

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ЛЮДИ И ПРОЕКТЫ: ЛИДЕРСТВО КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ВЛАСТНЫХ ГРУПП В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (ОПЫТ АНАЛИЗА ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ СИБИРИ)

Ю.А. Пустовойт

(pustovoit1963@gmail.com)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Новосибирск, Россия

Национальный исследовательский Томский
государственный университет

Томск, Россия

Цитирование: Пустовойт Ю.А. Люди и проекты: лидерство как основа формирования властных групп в современном городе (опыт анализа постсоветской истории в региональных центрах Сибири) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 139–163

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>

Аннотация. *Рассматривается проблема формирования властных групп в городах. На основе концепции интерактивных ритуалов Р. Коллинза автор предлагает набор операционализированных переменных, позволяющих объяснить феномен лидерства, проявляющийся в ходе избирательных кампаний, и возникающие на этой основе различные типы городских режимов: иерархического контроля и сетевой координации. В рамках предложенного подхода рассмотрены значимые электоральные события в двух сибирских городах — Новокузнецке и Новосибирске, представляющих собой контрастные случаи режимов. В качестве эмпирической базы вместе с полученными ранее в этих городах данными (интервью, наблюдения и анализ итогов голосования) проведено сравнение комплексов газетных публикаций и агитационного материала, позволяющее выяснить, как в различные периоды кандидаты формулировали основной комплекс*

городских проблем и способов их решения (мобилизационную повестку). Автор выделяет три этапа формирования различий в мобилизационных повестках, определяя их как личностный, позиционный и государственный. Если на первых этапах имел значение специфический городской политический опыт и самостоятельность, то начиная с «нулевых» и далее субъектность городских властей с различной скоростью уменьшается, политические функции сужаются в пользу хозяйственных и административных, предлагаемые проекты сосредоточиваются вокруг проблем благоустройства и застройки. Эта тенденция, основанная на представлениях о власти как доминировании (D-модель), снижает солидарность горожан, их эмоциональную энергию, инициативу и вступает в противоречие с естественной моделью городского развития, предполагающей увеличение масштаба и социального разнообразия.

Ключевые слова: город, лидерство, властные группы, элиты мобилизационная повестка, городской режим, Сибирь.

ВВЕДЕНИЕ И ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Рассмотрение вопроса о современном городе и горожанах, лидерстве, властных группах и объединениях обычно отсылает нас к греческой традиции полиса как единства территории, общества и политики в качестве способов принятия значимых решений. Именно город выступает родиной политического, институционализации способов получения, распределения и реализации властных полномочий, позже поднятых на более высокий уровень национального государства, оставив за городом комплекс локальных проблем, обычно обозначаемых как муниципальные. Луис Вирт в своей классической работе определяет город на основании трех параметров: размер, плотность, гетерогенность. Чем больше эти параметры, тем больше у нас оснований считать поселение городом — центром зарождения и контроля экономической, политической и культурной жизни [Вирт 2016].

В свою очередь, анализ современных властных отношений, на наш взгляд, невозможен без ретроспективного обращения к опыту прошлого, к 1990-м годам, времени, когда в городах и поселениях только происходило становление новых властных институтов, элитных коалиций, формальных и неформальных правил политического взаимодействия [Гельман и др. 2008]. Как показывают исследования ряд проведенных реформ, направленных на встраивание муниципальных структур во «властную вертикаль», оказался не эффективен в отношении совпа-

дения декларируемых целей реформаторов и результатов изменений: неформальные ресурсы и практики стали более значимыми и эффективными и определяют характер взаимоотношений между ключевыми акторами локальной политики. Централизация всех уровней публичного управления и концентрация власти в руках профессионального управляющего чреват серьезными рисками и ослабляют низовую самоорганизацию [Чирикова, Ледяев, Ледяева 2015: 15]. По экспертным оценкам, при признании значимости развития городов качество муниципальной власти и ее мотивация имеют низкое значение, принцип лояльности доминирует над принципом профессионализма [Чирикова, Ледяев 2018: 291]. Сюда можно добавить тот комплекс проблем, который наиболее рельефно проступает при исследовании власти в малых городах: кадровый дефицит, формирование команды из «своих людей», ее зависимость от внешних факторов и отсутствие новых подходов и решений к комплексам накопившихся проблем, определяющая роль личности лидера и его качеств и отсутствие опыта и практик со-лидерства [Чирикова 2021: 109]. В некоторых современных исследованиях сделан вывод о том, что отказ от прямых выборов мэра и переход к моделям назначения привел к ориентации глав городов к поддержке интересов и требований региональной власти и никак не повысил эффективность их работы [Казанцев 2020: 55], хотя эта лояльность мало что дает для собственной безопасности. Напротив, политическая сила, авторитет, мощь личного бренда в условиях авторитаризма служат большей защитой градоначальнику от уголовного преследования, чем связи или прошлые заслуги [Buckley et al. 2022].

Мы предлагаем рассмотреть феномен лидерства в рамках концепции интерактивных ритуалов Р. Коллинза и через историческое сравнение контрастных эмпирических случаев сибирских городов выделить основания лидерства, полученного в ходе электоральных кампаний, его влияние на образование властных коалиций, реализуемые лидерами проекты и их результаты. Работа опирается на десятилетний, регулярно обсуждаемый и опубликованный опыт исследований власти в городах Сибири, эмпирической базой этого исследования выступают десять интервью лиц, занимающих ключевые посты с 1990-х годов до настоящего момента в политических и экономических структурах г. Новосибирска, а также массив заметок, рекламных материалов и сообщений в периоды избирательных кампаний, дополненные агитационными материалами, хранящимися в архиве г. Новосибирска.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из современных подходов, объясняющих механизмы формирования лидерства, выступает подход Рэндалла Коллинза. Отправной точкой анализа служит ситуация, а не индивид. Это теория построена на выделении кратковременных столкновений человеческих тел, заряженных эмоциями и сознанием того, что они прошли цепочки предыдущих столкновений. В терминах Гофмана задача заключается в том, чтобы обнаружить социальные истоки культа индивида. «Происшествия создают своих участников, и неважно, насколько они мимолетны: встречи творят встречающихся. Игры создают спортивных героев, политика превращает политиков в политических лидеров, несмотря на то что весь груз протоколов, написания новостей, вручения наград, составления речей и создания крикливой рекламы мешает пониманию того, как это происходит» [Коллинз 2004: 30].

Интерактивные ритуалы (ИР) означают физическое присутствие людей в определенном месте, регулярное выполнение согласованных ритмичных действий (телодвижения), концентрирующих свое внимание вокруг значимого сакрального символического объекта, выражающего основную идею группы (эмблемы), выступают преобразователями эмоций, в ходе них одни эмоции, взятые в качестве ингредиентов, превращаются в другие в качестве результатов и социальная структура рассматривается как непрерывная цепь взаимодействий, в ходе которой происходит разделение людей по их эмоциональной энергии. Опираясь на подход Р. Коллинза для анализа ситуации возникновения лидерства, создания властных коалиций, предлагаем перечень значимых вопросов и предполагаемых переменных — ответов на эти вопросы, способов их оценивания.

Где происходит дискуссия?

Для ответа на этот вопрос введем понятие арены. Его предложила Барбара Ферман при исследовании городских режимов в Питтсбурге и Чикаго, где оно означало сферу деятельности с определенными институциональными характеристиками [Ледяев 2012: 372–373].

Этот подход позволяет нам определить арену как сферу деятельности, имеющую материальные и нормативные границы, в которых происходит процесс социального конструирования значимых проблем индивидами

и группами, стремящимися за счет привлечения внимания к ситуации добиться перераспределения общественных благ. Интерактивные ритуалы разворачиваются именно на трех важнейших аренах (официальной, символической и уличной), каждая из которых ограничена материальной средой, пространством, специфическими правилами и имеет непосредственное («здесь и сейчас») и символическое выражение. Примером первой выступают официальные выступления и протоколы, примером второй — неофициальные встречи, интервью, материалы СМИ и полемика в социальных сетях, примерами третьей — улицы, парки и скверы, на которых разворачиваются митинги и пикеты.

Кто когда и зачем претендует на лидерство?

Политика в этой оптике интерактивного взаимодействия представляет собой цепи ситуаций, делающих одних лидерами в силу умения привести сильное впечатление, других ведомыми или угнетаемыми. Индивиды ищут эмоциональную энергию и символы, которые дают наибольшие возможности для ее получения, выбирая для этого различные группы, организации и социальные сети. Люди стремятся к власти как к особому виду ситуационного взаимодействия, где их ограниченная часть получает эмоциональную энергию (ЭЭ) [Collins 2004: 373]. «Ритуалы власти являются асимметричным вариантом дюркгеймовских ритуалов взаимодействия. Эмоции, которые вызываются, сдерживаются; существует тон уважения, соглашательства с тем, что требует отдающий приказ. Чем более принудительной и экстремальной является разница во власти, тем сильнее эмоциональное заражение... Осуществление власти приказа увеличивает ЭЭ человека в той мере, в какой это совпадает с нахождением в центре внимания ситуации эмоциональной увлеченности, поднимающейся до осязаемого уровня коллективного сознания, что я называю ритуал статуса... Когда ритуал власти не совпадает с ритуалом статуса, человек, осуществляющий власть, обычно не испытывает большого выигрыша в ЭЭ, но в любом случае это удерживает обладателя власти от потери ЭЭ. Однако лица, принимающие приказы, обычно теряют ЭЭ, особенно когда ритуал власти не приводит к ритуалу солидарности» [Collins 2004: 114–115].

Быть лидером в контексте теории интерактивных ритуалов означает победить в ходе политической дискуссии, произвести особое впечатление на аудиторию, так сфокусировать внимание на себе и своих вы-

сказываниях, что и само политическое высказывание и высказавший его стали бы символами солидарности, создав группу, связанную моральными обязательствами. Р. Дентон и Г. С. Вудворд в своей книге о коммуникациях определяют сущность политической борьбы как борьбу за доминирующую интерпретацию происходящего. «Политическое соперничество в реальности является конкуренцией определений ситуаций. Победителями становятся те, кто успешно артикулирует определение ситуации, поддерживаемое большинством, или те, кто успешно создают убедительное определение ситуации, поддержанное большинством» [Denton, Woodward 1990: 42]. Фиксированная продолжительность сроков полномочий на государственной службе накладывает определенный ритм на отбор и определение социальных проблем, поскольку именно избирательные кампании являются основными периодами формирования имиджей как социальных проблем, так и конкретных кандидатов [Хилгартнер, Боск 2008].

Таким образом, необходимо выделить состав участников, определить их основной источник власти: идеологический, экономический, силовой, политико-административный [Манн 2018: 30]. Оценка состава: «1» — пестрый социальный состав, несколько примерно равных претендентов, участвуют различные группы интересов, профессиональные сообщества, партии; «2» — два-три примерно сопоставимых по ресурсам лидера, представляющих основных объединения; «3» — доминирование одного лица одной группы интересов, связанных с одним основным источником власти.

Какие барьеры есть для участия в политической дискуссии по поводу власти?

Барьеры (barrier to outsiders). Доступ и ограничение к любой из арен может принимать самые разные формы. От материальной закрытости, что обычно подразумевает принятие решений в закрытых для посторонних территориальных ландшафтах (в качестве последних часто выступали личные дачи и бани) до тонкой лингвистической закрытости, когда незнание определенных словесных оборотов выдает в претенденте «чужого», незнакомого с внутренними неформальными нормами и, следовательно, «чужака», не имеющего нужного кредита доверия. На наш взгляд, оценивать барьеры доступа к каждой из арен можно по 4-балльной шкале, подразумевающий дискриминацию любого из претендентов. Показателем оценки в этом случае выступает наличие фактов идеоло-

гической дискриминации: (1) экономической (2), силовой (3) и политико-административной (4).

Как и с каким эффектом конструируется фокус внимания аудитории?

Р. Коллинз далее выделяет еще два ритуальных ингредиента: фокус внимания (*mutual focus of attention*) и общее настроение (*shared mood*), которые усиливают друг друга [Collins 2004: 48–49], по мере того как участники ритуала все больше сосредотачиваются на общей деятельности, они больше осознают друг друга и более сильно переживают общие эмоции. Здесь ключевым компонентом выступает взаимный захват эмоций и наличие общих переживаний. Эти два ингредиента предлагаем объединить понятием «мобилизационная повестка», что включает в себя переходящий эмоциональный стимул, усиливающий обратную связь и обеспечивающий общий коллективный ритм (*transient emotional stimulus feedback intensification through rhythmic entrainment collective effervescence*).

Под мобилизационной повесткой мы понимаем комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью победу в электоральной борьбе с последующим установлением контроля политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). В теоретическом плане мы опираемся на подходы Ч. Тилли, рассмотревшего процесс мобилизации и получения группового контроля как один из основных компонентов коллективного действия [Тилли 2019: 101–102], и идеи С. Хилгартера и Ч.Л. Боска, предложивших механизм объяснения значимости для аудитории сконструированных проблем [Хилгартнер, Боск 2008].

Выделим содержание мобилизационной повестки, ее характеристики, эффективность и факторы формирования.

Содержание мобилизационной повестки представляет идеологический нарратив, предполагающий основные приоритеты городского развития. В. Вахштайн предлагает три типа таких историй, основанных на базовых метафорах: город как машина развития (нарратив высокого урбанизма и экономического роста, инвестиции в небоскребы, дороги и мосты), «левый урбанизм» (город против отчуждения и за поддержание социальных связей и инвестиции в доступное жилье,

социальные объекты и общественный транспорт) и хипстерский урбанизм (город — это машина представления и сцена, все для разнообразного получения впечатлений и удовольствия от жизни, инвестиции в парки и велодорожки) [Вахштайн 2022: 485–490].

Характеристики мобилизационной повестки на основе подходов С. Хилгартнера и Ч. Боска оценим «1» — низкая, «2» — средняя, «3» — высокая. Основные параметры повестки зависят от пропускной способности институтов и возможностей политика (личное время, бюджет, доступ сообщениям в СМИ); драматургии (используемая лексика и экспрессивность высказываний); новизны (степень новизны предлагаемых проблем и их решений); насыщения (есть ли обновление проблемы новыми символами); культуры (насколько проблемы связаны с глубинными мифическими темами аудитории); политики (выдержан ли приемлемый привычный диапазон политического дискурса); обратной связи, служащей ее усилению (есть или нет); способности сообщества функционеров подать проблему в нужном ему ракурсе (насколько влиятельными являются сообщества функционеров, закрепленные вокруг значимой области проблем).

Анализ содержания и характеристик мобилизационной повестки означает подсчет количества сообщений и числа высказываний, связанных с лидером (единиц наблюдений), и выделение в них программных составляющих, позволяющих отнести ее к одному из предложенных типов городских идеологий, и оценки ее характеристик (единиц анализа). Аналитический процесс заключается в открытом кодировании, что означает разбивку полученных данных на отдельные части с последующим сравнением по сходствам и различиям каждого случая. [Страусс, Корбин 2001: 52–119]. При анализе визуального материала мы опираемся на идеи, сформулированные И. Гофманом: как отражаются на фотоснимке или изображении навязанные культурой дефиниции, приобретенные в ходе социализации, как люди представляют свой образ другими [Штомпка 2007: 42].

Эффективность мобилизационной повестки измеряется через итоги голосования и расширение или сужение аудитории. Эффект оценивается нами от высокого, «5», означающего победу оппозиции, занятие ей ключевых позиций на всех аренах, расширение аудитории, до «1» — потери инкубентом (действующим держателем властных полномочий) доминирующих позиций на всех аренах. Частичная победа на аренах или стабильно высокая поддержка целевой аудитории («4»), удержание

аудитории и позиций без видимого роста («3»), потеря аудитории, потеря позиций на некоторых аренах при удержании одной из них («2») обозначают соответственно нормальный, средний и низкий эффект.

Что происходит в результате взаимодействия?

В отношении власти Коллинз предлагает различать D-власть, основанную на навязывании своей воли, и E-власть, власть эффективности, предполагающую игру с ненулевой суммой и осмысленный социальный опыт, формирующий культуру личных отношений. В первом случае будут наблюдаться резкие различия в социальной идентичности, большее неравенство, обиды и социальный конфликт. E-власть усиливается в XX в., что подразумевает приоритет методов долгосрочного планирования и косвенного контроля за счет включения управляемых в процесс управления.

Групповая солидарность. Существует несколько подходов оценки групповой солидарности и организационных или институциональных факторов, лежащих в ее основе. На наш взгляд, в наиболее законченном виде оценить групповую солидарность можно в рамках подхода Мэри Дуглас о группах и решетках, где при описании одна ось задается измерением чувства «мы» (сильная группа, закрытая для посторонних) и я (слабая группа), другая — нормами, сильной решеткой (структурированные нормы), слабой решеткой (неструктурированные нормы) [Douglas, Isherwood 2006]. Здесь сильные нормы и сильная группа («4») соответствует бюрократической иерархии, регулируемой универсальными правилами (рациональное господство), сильное «мы» и слабые нормы определяют «секту» и харизматическое господство («3»), слабые нормы и слабая группа обозначает сообщество предельных индивидуалистов, регулируемых только конкуренцией и личной выгодой («2»), и сильные нормы и слабая группа означают культурную изоляцию и одиночество («1» — заключенные, рабы, солдаты и королева Великобритании).

Эмоциональная энергия представляет собой сильную устойчивую эмоцию, действующую долгое время и позволяющую проявлять активность самостоятельно и задавать направление развития социальных ситуаций и представляющую собой континуум от энтузиазма, уверенности и инициативы на высоком уровне до пассивности и депрессии на низком. Эмоциональную энергию можно наблюдать по позам (открытые — доминирования и пассивные, замкнутые — подчинения),

степени глазного контакта, по стилю (не по содержанию) речи. Для ситуаций коллективной солидарности характерен общий ритм движения тела и тональности разговоров, получение высокого уровня эмоциональной энергии заставляет индивида еще раз обращаться к тем ситуациям и сетям, которые его обеспечили, фокус внимания, тема разговора, персона становятся значимыми символами, позволяющими получать индивидуально, «по памяти» необходимый эмоциональный настрой. Высокий уровень эмоциональной энергии «5» обозначает лидерство и взятие на себя инициативы по организации других на решение актуальных проблем. «4» — индивид самостоятельно решает проблемы, которые возникли, обычно не выступая с инициативой, но придерживаясь устоявшихся норм. «3» — индивид не проявляет никакой инициативы и не проблематизирует ситуации их нарушения. Это то, чувство, которое Гарфинкель означает понятием «ничего необычного здесь не происходит», переживание обыденности и «мирской реальности» задает ровный тон настроения, разделяемого всеми участниками взаимодействия [Collins 2004: 105–107]. «2» — демонстративное отчуждение, пассивность, печаль, растерянность, неучастие. «1» — отказ от социальной жизни, депрессия, алкоголизм, употребление наркотиков, суицидальные намерения.

Следующие два результата интерактивного ритуала: «символы» и «нормы» — предлагаем объединить как одну переменную и обозначить как *степень групповой экспрессивности* что подразумевает наличие сильной или слабой коллективной реакции к тем, кто неуважительно относится к значимом для участников сакральным символам. Степень экспрессивности в нашем случае оценивается как отношение к тем, кто ориентируется на другую систему приоритетности проблем и (или) иную иерархию ценностей. Они оцениваются как «враги» (4), «чужие» (3), «конкуренты» (2) оппоненты (1), где группы имеют больше сходств, чем различий, что не исключает между ними отдельных дискуссий.

Как результаты электорального взаимодействия стабилизируют властные отношения и влияют на дальнейшее развитие города?

Элитные и неэлитные группы строят свои внутренние отношения и отношения между собой по моделям как E (эмоциональной), так и D (силовой) власти. Таким образом лидеры и мобилизационные повестки

непосредственно связаны с теми группами, которые осуществляют власть в городе, и строят с ними отношения по различным моделям. Если отношения стабилизируются, то мы можем говорить о городских режимах, понятии введенном Кл. Стоуном, которые представляют собой «совокупности договоренностей или отношений (неформальных и формальных), с помощью которых достигается управление общностью [Ледяев 2012: 74].

Исходя из моделей власти предлагаем различать «городской режим иерархического контроля» и «городской режим сетевой координации», отнеся к первому сложившиеся совокупности отношений, построенные на модели «власти над» (D), а ко второму — на модели «власти для» (E). Понятно, что представленные таким образом режимы будут собой скорее «идеальными типами», полюсами континуума, тем не менее отражающими прямо противоположные тенденции: стремление к абсолютному господству по принципам «игры с нулевой суммой», «победитель получает все», «горе побежденным» (режим иерархического контроля) и «игры с ненулевой суммой», «кооперация при решении общих задач», «доминирования одной коллективной возможности над другой» (режим сетевой координации). Традиционно понятия «иерархия» и «контроль» означают процесс наблюдения за объектом, понятия «сети» и «координации» отражают процесс согласования активностей.

Для официальной арены определяющим маркером координации будет «способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные» [Даль 2010: 6]. В этом случае режим сетевой координации для нас будет совпадать с режимом полиархии, режим контроля — с режимом закрытой гегемонии. Критерием режима сетевой координации будет минимальный разрыв между победителем электорального процесса и его ближайшим соперником (здесь обычно приводится цифра 20 %) и отсутствие нарушений при регистрации и подсчете голосов в избирательных процессах. Немотивированный отказ и фальсификация итогов голосования выступают главными маркерами режима иерархического контроля. После завершения электорального цикла мобилизационная повестка может стать частью повестки политической, играть роль инструмента консолидации элит и повышения активности рядового электората или исчезает в случае, если играла роль исключительно пропагандистского материала, состоящего из обещаний, направленных на расширение электората и увеличение степени его поддержки.

ЛИДЕРЫ И ПОВЕСТКИ: АНАЛИЗ КОНТРАСТНЫХ СЛУЧАЕВ

Избирательная кампания в оптике теории интерактивных ритуалов представляет собой множество очных встреч кандидата на значимую позицию с различными группами и объединениями: рядовыми избирателями, проживающими на территориях, руководителями политических и экономических организаций, врачами, учителями, собственным штабом, руководителями официальных структур, администраторами, журналистами, недоброжелателями, общественными активистами, спонсорами, городскими сумасшедшими и т.д. Встречи и беседы редко обходятся без конфликтов, столкновений мнений, позиций и критических выступлений, и их итогом могут стать солидарность с лидером, рост эмоциональной энергии и формирование группы сторонников, члены которой станут транслировать свои положительные впечатления по другим аудиториям, убеждая других на выборах проголосовать «за».

В этой работе мы сопоставили несколько избирательных кампаний в сибирских городах, представляющих сегодня бесспорные контрастные случаи по сформированным режимам: Новосибирск (сетевая координация) и Новокузнецк (иерархический контроль). Оба в советские времена представляли собой благополучные по уровню жизни города, с активной застройкой, квалифицированным городским менеджментом, развитой экономикой, разнообразной и насыщенной культурной жизнью. Для выделения мобилизационной повестки мы обратились к газетным сообщениям и рекламным материалам, опубликованным в интересующие нас периоды. По Новокузнецку обработано 60 заметок, сообщений и листовок, размещенных в газетах «Кузнецкий рабочий», «Кузбасс», «Кузнецкие вести», «Фронт», т.е. тех массовых изданиях, которые были популярны на рубеже веков. По Новосибирску собран и обработан массив данных, содержащийся в газетах «Вечерний Новосибирск» и «Советская Сибирь» 1994–2004 гг. (всего 210 сообщений в месяц высокой электоральной активности), агитационные и прочие материалы за тот же период, хранящиеся в Новосибирском городском архиве (более сотни разнообразных документов). Новый материал позволил уточнить ранее сделанные выводы [Пустовойт 2019]. Группируя тексты вокруг электоральных событий, имеющих большее значение для формирования властных объединений, мы выделили три этапа

формирования мобилизационных повесток: личностный, позиционный и государственный.

Личностный (героический) этап (1994–2000). Выборы в Новосибирске проходят раньше. В.А. Толоконский избран в 1994 г. председателем городского собрания и в 1996 г. мэром города. В Новокузнецке в 1997 г. на выборах мэра победил С.Д. Мартин, набрав 24 % голосов, что почти в два раза больше ближайшего конкурента В. Медикова. Оба имеют опыт работы в администрации области и города. Социальный, политический, идеологический состав кандидатов на ключевые позиции достаточно разнообразный (оценим «1»), барьеры для выдвижения минимальные («1»). Содержательно в обоих городах мобилизационная повестка направлена на защиту уязвимых социальных групп, сосредоточена вокруг социальных проблем, бедности, грязи, обнищания населения и т.д. Драматургию можно оценить как среднюю, экспрессивность материалов в Новосибирске выше. В печатных материалах в обоих городах практически нет дискуссий с оппонентами по существу каких-либо городских проблем, в областной столице в газетах больше присутствует мрачный общий информационный бэкграунд газетных сообщений, в духе «дети умирают, взрослые пьют пиво и шампанское» (обзор статистических показателей) Различаются и визуальные образы политиков. Обычно сообщения о кандидатах в это время представляют собой небольшие сообщения с паспортной фотографией и пафосным мотивационным текстом или житием претендента. Размещены они за редким исключением в рекламных блоках или в программах ТВ. С 1994 г. фоторяд Толоконского соответствует характеру сообщений, фото обычно в присутствии других людей, реже один, но, как правило, обращающийся к воображаемому читателю.

На юге Кузбасса большее количество кандидатов, нет явных лидеров и городских идеологий. Обычно в заголовках материалов фигурируют фамилии претендентов. В содержательной части они повествуют обо всем и ни о чем, обычно перечисляя через запятую известные проблемы, которые фреймируются в рамках «Кемерово — Новокузнецк», «Кислюк — Мартин», «область — город», «предприятие — горожане». Системного и рационального изложения взглядов обычно нет, существующие проблемы связаны с отрицательными качествами конкретной личности [Мальцева 1997] Фото выполнены в официально-паспортном стиле, неэмоциональные, однотипные иконические изображения. Кандидат на должность — «человек дела» [Соболева 1996], иногда неспра-

ведливо обвиненный [Гринев 1997]. В Новосибирске в центре внимания — социальные аспекты жизни горожан, городская политика в целом, это разговор о социальных гарантиях и городе для его жителей и качествах руководителя [Самохина 1994]. Активность горожан невысокая, особенно на выборах в городской совет [Кузменкин 2001].

Эффекты кампаний и повесток оценим как высокие «5», оба кандидата находятся в оппозиции к губернатору. Причем Новосибирск скорее на городском уровне действует в логике федеральных властей, оппонируя, но с соблюдением всех правил местным «красным директорам». Горсовет, напротив, представляет партии и объединения, позиционирующие себя как оппозиционные действующей федеральной власти (во втором созыве 1996 г. большинство ЛДПР и КПРФ).

По солидарности — это лидерские объединения «3», но в Новосибирске лидерская функция подается СМИ больше как способность к конструктивному взаимодействию и выработке программ, а в Новокузнецке — как сильная личность, способная на реализацию планов и поддерживаемая харизматическим политиком федерального масштаба [Стенограмма обращения...] Эмоциональная энергия, отраженная в СМИ в отношении политических перспектив, невысокая (по нашей оценке, в обоих городах «3»). Экспрессию оценим на «2», стороны публично признают право конкуренцию и требуют соблюдать правила приличия.

Внутриэлитные взаимодействия на этом этапе имели определяющее значение. В интервью, оценивая ситуацию 1990-х, информанты отмечали, что поддержка городских властей была определяющей для среднего и мелкого бизнеса. Крупные предприятия с тем или иным успехом уходили под патронаж федеральных или региональных политиков, а только что приватизированные управления, заводы и пароходы, кроме набора общероссийских проблем, сталкивались со своими трудовыми коллективами, не всегда признающими их право владения, приватизацией земли и зданий, подрядами и прочими сложностями начала строительства капитализма в отдельно взятом городе. Соответственно одни городские лидеры (Новокузнецк) начинали собирать властные коалиции «под себя», выстраивая сложные схемы подконтрольности и зависимости по модели элитаризма и строя свои взаимодействия как «хозяева», другие координировали усилия разных акторов, соблюдали баланс сил и интересов, поддерживая неопределенность и гетерогенность и ориентируясь на краткосрочные проекты

и разовые вознаграждения, ведя себя как «сфинкс Козимо де Медичи» (Новосибирск) [Пустовойт 2019].

Позиционный (командный) этап (2001–2014). К «нулевым» состав участников все более и более приходит к иерархически упорядоченному порядку, и мы бы оценили его «2» (Новосибирск) и «3» (Новокузнецк). Списки зарегистрированных кандидатов (и победителей) в городские советы (особенно в Новокузнецке) содержат слова «главный», «генеральный», «председатель» и т.д. На выборы уже идут управленческими командами, поддержка региональных структур становится определяющей [Аман Тулеев: Я верю в ваш разум 2001]. Барьеры на этом этапе уже экономические («2»), цветная полиграфия, сменившая черно-белые изображения из 1990-х, и телеэфир стоят дорого.

Темы в СМИ юга Кузбасса после 2001 г. уже позитивные, и повествование идет об успехах и достижениях. Из заголовков газет исчезают фамилии и остаются должности. Мобилизационные повестки — это повествования о чистоте, застройке и поддержке городом зашедших в конце предыдущего этапа на его территорию крупных корпораций. После 1998 г. дважды происходит перераспределение крупной металлургической собственности, расположенной на территории города, и предвыборные материалы регулярно подчеркивают роль предприятий под контролем федеральных, региональных и городских властей и их титанический вклад в успех и процветание горожан. Визуальные образы здесь остаются прежними портретами-иконами, но теперь агитационные материалы в цвете и представляют собой буклеты. Кандидат на должность обычно снят на фоне улиц или заводов, иногда в присутствии губернатора и руководителей предприятий, иногда — известных горожан. Содержательно в повестку вносится «Гордость Кузбасса», труд, ответственность. С.Д. Мартин переизбирается дважды в 2001 и 2006 гг. с ростом числа проголосовавших «за». В 2010 г. он уходит в отставку по инициативе губернатора в связи с фактами коррупции в ближайшем окружении, в СМИ подчеркивается, что отставка в «интересах города», выступившего против личности, не оправдавшей доверия [Хахилева 2010]. В этот стабильный и благополучный период в наших интервью респонденты постоянно озвучивают темы снижения численности работников металлургических и горнодобывающих предприятий, перенос части местных учреждений и административных структур в областной центр, уменьшение объема и качества медицинских и образовательных услуг, ухудшение экологической обстановки

из-за роста открытых карьеров. Как правило, эти темы публично не обсуждаются.

В Новосибирске два пика политической борьбы 2000 г. — выборы губернатора с преимуществом В. Толоконского (мэра города) на 2 % — и 2004 г., когда выборы городского главы проходили в два тура (59 % В. Городецкий против 29 % Я. Лондона). Язык сообщений в мобилизационной повестке становится более экспрессивным и драматичным [Голосуя против всех, вы голосуете за Муху 2001; Горелов 2004]. В целом СМИ акцентируют внимание на солидарности и объединении кандидатов вокруг действующей власти на всех уровнях. Основной фрейм сообщений — работающая и честная команда против криминала, рвущегося к ключевым позициям. Дискуссия переходит в нравственную плоскость, где те, кто находится на государственных и муниципальных должностях, борются с грехами магнатов и бизнесменов — «Город против Лондона». Впрочем, СМИ на своих полосах размещают агитационные материалы и оппозиционных кандидатов, хотя преимущественно используют привычный черно-белый цвет, оставляя цветную печать за сторонниками доминирующей коалиции. Получает распространение анонимный листовочный компромат. Меняется содержание тиражируемой мобилизационной повестки, вопросы городского пространства, его застройки, хозяйственной и производственной жизни начинают преобладать (пять пунктов из шести в программе действующего мэра) [Новосибирску — стабильность и развитие 2004].

Мы склонны оценивать показатели групповой солидарности и эмоциональной энергии выше в Новосибирске — «4», чем в Новокузнецке — «3». Здесь нет скандалов, и связанных с фальсификациями итогов выборов, есть регулярные дискуссии на всех аренах, включая регулярные митинги и демонстрации по поводу развития города и выбора его приоритетов, появляются относительно свободные качественные СМИ, которые пользуются популярностью у всех групп населения. В целом в этот период лидерство как проявление личных качеств исчезает из мобилизационной повестки, солидарность коалиций власти регулируется формальными и неформальными нормами, задаваемыми региональными и федеральными структурами. К 2010 г. можно говорить о формировании городских режимов. Отставка мэра Новокузнецка означала смену ряда персоналий в системе городского управления, исчезновение нескольких строительных корпораций и банка, возбуждение нескольких уголовных дел, но в целом сохранение тех же самых стабильных правил

взаимодействия и приоритетов городского развития, где определяющим были инвестиции в строительство жилья и дорог.

Государственный (агентский) этап (2014–2022). Общим для этого периода выступает тенденция, когда действующие главы городов выигрывают выборы: Кузнецов С.Н. с 2013 г., Локоть А.Е. (КПРФ) с 2014 г., до этого занимая значимые позиции в исполнительной региональной (первый) или законодательной федеральной(второй) власти. Мэр Новокузнецка побеждает, набирая более половины голосов (в 2018 — 70 %). Выборы в Новосибирске проходят в конкурентной борьбе (2014 — 43,75 против В. Знаткова, 39,57 %, и 50,25 % в 2019). В этот период основными каналами коммуникации становятся цифровые медиа и социальные сети. Газеты, если не имеют интернет-страниц, теряют свою аудиторию, городское и региональное телевидение остается значимым для старших возрастных групп, молодежь и средний класс городов в основном ориентированы на интернет-платформы.

Мобилизационная повестка в Новокузнецке отражает две тенденции городского лидерства: безальтернативность и напористость. Публично дискутировать по поводу решений городских властей, выдвигая альтернативные способы интерпретации проблем или программ кандидатов на те или иные позиции, уже невозможно. Большая часть политических решений принимается на федеральном и региональном уровне, городские власти выступают лишь ее исполнителями, даже если решение инициирует городская команда, то нет никаких возможностей их оспорить [Транспортная реформа... 2022]. Кроме этого, можно уверенно зафиксировать в Новокузнецке — это отказ от формально-бюрократического языка и привычного обтекаемого и вязкого бюрократического сленга в пользу экспрессивной лексики, которая регулярно пропитывает коммуникацию с горожанами в программе в «Утро с мэром». Ведущим фреймом становится «свой (патриот) — чужой (иноагент)», фоторяд подчеркивает силовые и волевые характеристики государственного деятеля и патриота. Стиль городского лидерства можно обозначить оксюмороном «харизматическая бюрократия», подразумевая личное влияние, ограниченное регламентами и договоренностями.

В Новосибирске мэр А.Е. Локоть приходит к власти на первых выборах как представитель, объединивший системную и несистемную оппозицию в борьбе за пост мэра. На вторых выборах он по-прежнему позиционирует себя как лидер оппозиционной партии, но его выдвижение поддерживают (кроме губернатора) спикер ЗАКС А. Шимкив

(ЕР) и председатель горсовета Д. Асанцев (ЕР). Его программа «Новосибирску — динамичное развитие» включает (видимо, продолжая партийную традицию) в себя отчет по проделанной работе и семь направлений дальнейшей работы: «комфортный город», «транспортная доступность», «развитие социальной сферы», «спортивный город», «культура и история» и т.д. Фото- и видеоматериалы политика также часто выходят за пределы привычного бюрократического формата, эмоциональны, с обычными компонентами партийной и государственно-патриотической символики [Локоть Анатолий Евгеньевич... 2022].

Две последних городских избирательных кампании в Новосибирске были стилистически ближе к 1990-м годам, чем к «нулевым»: разнобразный состав претендентов (15 существенно различающихся между собой кандидатов на пост мэра), организованная оппозиция (коалиция «Новосибирск 2020»), конкурирующие мобилизационные повестки (победа 12 самовыдвиженцев), невысокая явка избирателей на выборах мэра 2019 г. — 20, 68 и в среднем 20 % на выборах в Госсовет (2020), победа несистемной оппозиции по нескольким округам. Тем не менее результаты последних лет говорят о том, что городская мобилизационная повестка и в режиме «сетевой координации» перестает быть фокусом внимания горожан. Собственно городские вопросы большей частью исчезают из публичной дискуссии и на выборах кандидатами озвучиваются широкий комплекс государственных и региональных проблем. О солидарности различных групп горожан и властных коалиций говорит результат шуточных выборов новогоднего талисмана города из обитателей городского зоопарка (кандидат от оппозиции орангутанг Бату стал обходить провластного белого медведя Шилку), которые пришлось срочно отменить из-за неожиданно вспыхнувших нешуточных страстей и электронных взбросов [Распопов, Аркман 2022]. Если рассматривать явку на выборы как косвенный показатель эмоциональной энергии, то она упала (на предыдущих выборах в 2014 г. явка избирателей на выборах мэра была около 30 %). Показатели групповой экспрессивности мы оцениваем на «3», что означает, что стороны воспринимают друг друга как чужаков. Вежливый формальный подход при полном игнорировании интересов. «Запахло поддерживать оппозицию... Любые проекты... Это смешно, кстати. Закрываются двери большого зала мэрии, с кем-то мы общаемся, с кем-то - никак. Это не зависит от политического бэкграунда. Но в обсуждениях ...все что мы предлагаем, отвергается. Проходит какое-то время, и они предлагают то же самое...

Ну что же... Мне главное, что бы результат был.» (Из интервью депутата Горсовета)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев процессы становления лидерства формирования властных коалиций команд в течение последних тридцати лет на примере двух кризисных случаев, мы убедились в перспективности предложенного Р. Коллинзом подхода, способного не только объяснять прошлое и настоящее, но и дающего возможность строить модели вероятного будущего. Разумеется, наш оценочный инструментарий не совершенен, сам Коллинз настаивал на том, что ситуация интерактивного ритуала происходит исключительно лицом к лицу и эмпирически проверил свои теоретические положения на анализе сети интеллектуалов, не касаясь вопросов политики и бизнеса. Тем не менее само ядро его теории, а именно то, что в основе лидерства — способность создавать символы принадлежности к группе и заражать эмоциональной энергией, делает ее вполне продуктивной. Мобилизовать на совершение какого-либо действия — значит предложить такой фокус внимания и такую интерпретацию происходящего, которая наполнит его энтузиазмом и мотивацией для достижения значимых групповых целей, ощущаемых им как свои. Если он разочаруется в группе, действия не получают должного подкрепления, произойдет ослабление значения символов, падение эмоциональной энергии. Ритуал солидарности превратится в ритуал власти. Ситуация статусного подчинения будет требовать привлечения все большего объема внешних стимулов и материальных ресурсов.

Это, собственно говоря, мы и видим на примере истории выбранных городов. Если на первых этапах самостоятельной политической жизни городов мы наблюдали лидерскую, порой рискованную во всех отношениях активность, то далее на протяжении тридцати лет происходит трансформация от личностного аспекта к позиционному (в границах города) и далее к государственному (в границах региона и федерации). Если на первых этапах имеет значение специфический городской политический опыт и самостоятельность, далее субъектность городских властей с различной скоростью уменьшается, политические функции сужаются в пользу хозяйственных и административных, а мобилизационная повестка становится рутинной либо фокус внимания смещается на тот комплекс проблем, который мало имеет отношение к городскому развитию.

Комплекс муниципальных реформ постепенно способствовал закреплению на низовом (городском) уровне ситуацию D-власти и становлению режимов «иерархического» контроля, что не способствовало развитию отношений по модели E-власти и какой-либо инициативы. Конструированием системы кадрового подбора эту проблему решить невозможно, хотя, наверное, можно добиться приемлемого уровня управления. Остается вопрос, почему в ряде городов до сих пор существуют режимы «сетевой координации».

Ответ требует дополнительных исследований, но пока можно сказать, что чем больше город соответствует социально культурной городской модели, основанной на идеях Р. Парка как гетерогенной среды, среды незнакомых людей, живущих в условиях большей плотности и стремящихся к увеличению своего территориального масштаба, тем больше вероятность, что в основе взаимодействия будут прежде всего горизонтальные связи и производимые символы, стимулирующие активный обмен ресурсами и идеями. Возможно, в большей степени, чем принято считать, на становление режима влияет система ценностей и установок, разделяемая лидером и его группой, и традиция, заложенная на ранних этапах становления городской власти, что позволяет предположить, что общероссийские тенденции построения «властной вертикали» в ряде крупных городов будут сдерживаться сформированными ранее неформальными договоренностями.

Литература

- Вахштайн В.С.* Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.
- Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни: пер. с англ. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.
- Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н.* Реформа местной власти в городах России, 1991–2006. СПб.: Норма, 2008. 368 с.
- Даль Р.* Полиархия: участие и оппозиция М.: ИД НИУ ВШЭ, 2010. 288 с.
- Казанцев К., Румянцева А.* От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России // Исследования по вопросам государственного управления. 2020. Т. 5, №. 5. С. 4–66.
- Коллинз Р.* Программа теории ритуала взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 1. С.27–39. EDN: NBYNPD.
- Ледяев В. Г.* Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.
- Манн М.* Источники социальной власти. Т. 4: Глобализации 1945–2011 годы. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 672 с.

Пустовойт Ю.А. Как создается режим: властные коалиции в сибирских городах // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. 432 с.

Хилгартнер С., Боск Ч.Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2. URL: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-330.pdf> (дата обращения: 19.11.2022).

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г., Ледяева О. М. Муниципальная реформа и распределение власти в руководстве малого российского города // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 7–16. EDN: TRJXMT.

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Муниципальная власть: мотивация акторов и практики взаимодействия с регионалами // Власть и элиты. 2018. Т. 5. С. 263–294. <https://doi.org/10.31119/re.2018.5.10>. EDN: YTSRET.

Чирикова А. Е. Команды глав малых российских городов: векторы перемен // Власть и элиты. 2021. Т. 8, №. 2. С. 72–112. <https://doi.org/10.31119/re.2021.8.2.4>. EDN: EIDQSY.

Штомпка П. Визуальная социология: фотография как метод исследования. М.: Логос-М, 2007. 231 с.

Buckley N., Reuter O.J., Rochlitz M., Aisin A. Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors // Comparative Political Studies. 2022. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00104140211047399> (дата обращения: 24.11.2022).

Denton R.E., Woodward G.C. Political Communication in America. New York: Praeger, 1990. 363 p.

Douglas M., Isherwood B. The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption. London: Routledge, 1996/2006. 169 p.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

Источники

Аман Тулеев: Я верю в ваш разум // Кузнецкий рабочий. 20.03.2001.

Голосуя против всех, вы голосуете за Муху // Вечерний Новосибирск. 06.01.2000.

Горелов В. Лондон — марионетка в руках Березовского // Вечерний Новосибирск. 05.03.2004.

Гринеv В. Виктор Медиков: «Подметные листовки бродят по Новокузнецку — признак подлости и трусости» // Кузнецкий рабочий. 06.03.1997.

Кузменкин В. Недовыборы. Претендентов было много, но избирателей не хватило // Вечерний Новосибирск. 13.12.2000.

Локоть Анатолий Евгеньевич — мэр города Новосибирска // Официальный сайт города Новосибирска. URL: <https://novo-sibirsk.ru/major/about/> (дата обращения: 19.11.2022).

Мальцева Л. Характеристика независимого социолога Мартин Сергей Дмитриевич // Кузнецкий рабочий. 06.03.1997.

Новосибирску — стабильность и развитие // Государственный архив Новосибирска Ф. 441. Оп. 1. Д. 732. Агитационные материалы кандидата на пост мэра Новосибирска Городецкого В.Ф. Т. 1.

Распопов А., Аркман А. Бату. Альфа-самец российской политики. Как Новосибирск провалил попытку провести «честные выборы» // Новая газета. 21.02.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/02/17/batu-alfa-samets-ros-siiskoi-politiki> (дата обращения: 19.11.2022).

Самохина Л.В. Толоконский: «Быть готовым прийти к людям — обязательное качество руководителя» // Вечерний Новосибирск. 25.03.1994.

Соболева Л. Кислюк снял Мартина // Франт-очевидец. 15.02.1996.

Стенограмма обращения председателя Союза народно-патриотических сил России АМАНА ТУЛЕЕВА к новокузнецчанам // Кузнецкий рабочий. 03.04.1997.

Транспортная реформа в Новокузнецке. Здесь собраны все новости, касающиеся скандальной транспортной реформы в Новокузнецке // НГС. URL: <https://ngs42.ru/text/theme/19707/> (дата обращения: 19.11.2022).

Хахилева Н. Мэр Новокузнецка ушел в отставку из-за скандала с сыном // Комсомольская правда в Кузбассе. 07.04.2010.

PEOPLE AND PROJECTS: LEADERSHIP AS A BASIS FOR FORMATION OF POWER GROUPS IN A MODERN CITY (EXPERIENCE OF ANALYSIS OF POST-SOVIET HISTORY IN REGIONAL CENTERS OF SIBERIA)

Yu.A. Pustovoi

(pustovoi1963@gmail.com)

Siberian Institute of Management — the branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russia
Tomsk State University
Tomsk, Russia

Citation: Pustovoit Yu. Lyudi i proyekty: liderstvo kak osnova formirovaniya vlastnykh grupp v sovremennom gorode (opyt analiza postsovetskoy istorii v regional'nykh tsentrakh Sibiri) [People and projects: leadership as a basis for formation of Power groups in a modern city (experience of analysis of post-soviet history in regional centers of Siberia)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 139–156. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.5>

Abstract. *The focus of the article is the problem of the formation of power groups in cities. Based on the concept of interactive rituals by R. Collins, the author proposes a set of operationalized variables that make it possible to explain the phenomenon of leadership that manifests itself in the course of election campaigns, and various types of urban regimes that arise on this basis: hierarchical control and network coordination. Within the framework of the proposed approach, significant electoral events in two Siberian cities are considered, which are contrasting cases of regimes: Novokuznetsk and Novosibirsk. As an empirical base, together with the data obtained earlier in these cities (interviews, observations and analysis of the voting results), a comparison of the complexes of newspaper publications and campaign material was carried out, which makes it possible to find how in different periods the candidates formulated the main set of urban problems and ways to solve them (mobilization agenda). The author identifies three stages in the formation of differences in mobilization agendas, defining them as personal, positional and state. If at the first stages specific urban political experience and independence mattered, then, starting from the “zero years” and further, the subjectivity of city authorities decreases at different rates, political functions are narrowed in favor of economic and administrative ones, the proposed projects are focused around the problems of improvement and development. This trend, based on the notion of power as dominance (D-model), reduces the solidarity of citizens, their emotional energy, initiative and conflicts with the natural model of urban development, which implies an increase in scale and social diversity.*

Keywords: *city, leadership, power groups, elites, mobilization agenda, urban regime, Siberia.*

References

Buckley N., Reuter O.J., Rochlitz M., Aisin A. Staying out of trouble: Criminal cases against Russian mayors, *Comparative Political Studies*, 2022. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00104140211047399> (accessed: 24.11.2022).

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 439 p.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G., Ledyayeva O.M. Munitsipal'naya reforma i raspredelenie vlasti v rukovodstve malogo rossiyskogo goroda [Municipal reform and the distribution of power in the leadership of a small Russian city], *Vestnik*

Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities]. 2015, 4 (144). pp. 7–16. EDN: TRJXMT. (In Russian)

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. Munitsipal'naya vlast': motivatsiya aktorov i praktiki vzaimodeystviya s regionalami [Municipal power: motivation of actors and practices of interaction with regionals], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2018, 5, pp. 263–294. <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.10>. EDN: YTSRET. (In Russian)

Chirikova A. E. Komandy glav malykh rossiyskikh gorodov: vektory peremen [Teams of heads of small Russian cities: vectors of change], *Vlast' i elity* [Power and elites], 2021, 8 (2), pp. 72–112. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.4>. EDN: EIDQSY. (In Russian)

Dal' R. *Poliarkhiya: uchastie i oppozitsiya* [Polyarchy: participation and opposition] Moscow: HSE, 2010. 288 p. (In Russian)

Denton R. E., Woodward G.C. *Political Communication in America*. New York: Praeger, 1990. 363 p.

Douglas M., Isherwood B. *The World of Goods: Towards an Anthropology of Consumption*. London: Routledge, 1996/2006. 169 p.

Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E., Borisova N. *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006* [Local government reform in Russian cities, 1991–2006]. St Petersburg: Norma, 2008. 368 p. (In Russian)

Kazantsev K., Rumjanceva A. Ot izbraniya k naznacheniyu. Otsenka efekta smeny modeli upravleniya munitsipalitetami v Rossii [From election to appointment. Evaluation of the effect of changing the model of management of municipalities in Russia], *Issledovaniya po voprosam gosudarstvennogo upravleniya* [Research on public administration], 2020, 5 (5), pp. 4–66. (In Russian)

Khilgartner S., Bosk Ch.L. Rost i upadok sotsial'nykh problem: kontseptsiya publichnykh aren [The rise and fall of social problems: the concept of public arenas], *Sotsial'naya real'nost'* [Social Reality], 2008, 2. Available at: <http://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-330.pdf> (accessed: 19.11.2022). (In Russian)

Kollinz R. Programma teorii rituala vzaimodeystviya [The Program of the Theory of the Ritual of Interaction], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, 1, pp. 27–39. EDN: NBYNPD. (In Russian)

Ledyayev V. *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of power: theory and experience of empirical research of power in urban communities]. Moscow: HSE, 2012. 472 p. (In Russian)

Mann M. *Istochniki sotsial'noy vlasti. Tom 4: Globalizatsii 1945–2011 gody* [Sources of social power. Vol. 4: Globalizations 1945–2011]. Moscow: "Delo" Publishing House RANEPa, 2018. 672 p. (In Russian)

Pustovoyt Yu.A. Kak sozdaetsya rezhim: vlastnye koalitsii v sibirskikh gorodakh. [How a Regime is Created: Power Coalitions in Siberian Cities], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 4, 104–118. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.08>. EDN: LASRAA. (In Russian)

Shtompka P. *Vizual'naya sotsiologiya: fotografiya kak metod issledovaniya* [Visual sociology: photography as a research method]. Moscow: Logos, 2007. 231 p. (In Russian)

Strauss A., Korbin Dzh. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaja teorija, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: Jeditorial URSS, 2001. 256 p. (In Russian)

Tilli Ch. *Ot mobilizacii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p. (In Russian)

Vakhshayn V.S. *Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii* [Imagining the City: Introduction to Conceptualization Theory]. Moscow: New Literary Review, 2022. 576 p. (In Russian)

Virt L. *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a way of life]. Moscow: Strelka Press, 2016. 108 p. (In Russian)